

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1063-1072
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1063

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Monarchical Mythologeme of the Oskoptsy Sect: Genesis and Specificity

Andrii Lebid ^{a, b, *}, Andrii Palchyk ^c, Oleksandr Diadia ^b

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Sumy State University, Sumy, Ukraine

^c Institute of Theological Sciences of the Immaculate Virgin Mary, Kamianets-Podilskyi, Ukraine

Abstract

The article deals with the main aspects and motives of the monarchical mythology of the Oskoptsy sect. In particular, the so-called motif of “substitute (false) tsar” was analyzed. The notions about Peter I as a “substitute”, “false” tsar owe much of their origin to the fact that he introduced bragrimage, foreign customs and clothes, partied with foreigners, arranged fireworks, mocked the clergy and often left his state.

The myth of the return of the tsar was also examined. In the 1840s a sect of admirers of Napoleon I was discovered in Moscow. Their cult, which involved praying in front of a bust of the French emperor, apparently included some ecstatic elements. It is possible, however, that the political mythology of this sect genetically goes back to the Oskoptic adaptation of the story of the hiding emperor.

The article also presents the components of the monarchic mythologeme – questions for reflexion of the Oskoptic heresy. In the monarchical mythologeme of the Oskoptsy, the tsar acts as an ideal monarch. A real tsar, by the fact of his vocation, cannot contradict the expectations of the sect either in his personal life or in the policies he pursues. Facts that do not correspond to such representations are explained by the substitution of the tsar. The monarchical mythologeme of the Oskoptsy, despite its own specificity, fit into the general background of popular perceptions of the tsar.

Thus, the political-religious imagology of the Oskoptsy conceptualizes the image of the tsar-redeemer, the monarchical version of the theology of liberation, tsarebogie. Nevertheless, the cult, the object of which in Oskopchestvo was the personality of the tsar, in our opinion, cannot be called one of the variants of tsarebozhie.

Keywords: Ospreys, mythology, mythologeme, mythotheologeme, monarchic mythologeme, sect.

1. Введение

Секта скопцов берет свое начало в конце 60-х гг. XVIII в. как движение, отделившееся от секты христовцев. Материалы следственного процесса свидетельствуют о существовании в Орловском уезде группы из 60 человек, половина из которых оскопила себя. Среди задержанных не оказалось Акулины Ивановой и Кондратия Селиванова, которым удалось спастись (Панченко, 2004: 171-172). После окончания следствия Селиванов проповедовал в Тульской губернии, а впоследствии учение секты распространилось в центральных губерниях Российской империи, а также в Риге и южных предместьях столицы. Уже к 1790-м гг. скопчество перестало быть исключительно крестьянским религиозным движением. Оно стало активно распространяться в купеческой и мещанской среде, что в существенной степени облегчило финансовые и организационные условия деятельности сектантов (Панченко, 2004: 176).

Известно, что в 1797 г. Селиванов, пережив арест и ссылку, появляется в центральной России. Как пишет А. Панченко, трудно объяснить, как именно это произошло, но понятен мотив

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

возвращения Селиванова: после смерти императрицы Екатерины II в 1796 г. активизировались слухи о том, что предыдущий правитель Петр III, жертва дворцового переворота, якобы жив, а основатель скопчества должен был выступить в его роли как «царь-искупитель».

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки данной рукописи выступили тексты скопческой литературы, в частности, скопческих ересиархов (Кондратия Селиванова). В данных текстах были изложены принципы учения скопцов, составившие фундамент скопческого вероучения и мифологии, в частности, монархической.

При подготовке данной рукописи был использован инструментарий методологии анализа, контекстуальный анализ текстов скопческих ересиархов и скопческих апологий. Использование контекстуального анализа предполагает рассмотрение макроконтекста появления и распространения скопческой литературы и мифологии. Тексты скопческих ересиархов были проработаны по определенному концепту (царь-искупитель, отец-искупитель, кормчий и др.) и сознательно погружены автором в определенный контекст.

Для эффективного анализа текстов скопческой литературы необходимо также выяснить более широкий (макро-) и более узкий (микро-) контекст текстов скопческой литературы. Изучение макроконтекста и микроконтекста дает возможность определить место и функции текста в его контексте. Анализ контекста в нарративах сосредотачивается на событиях и лицах, в нем участвующих. Рассматривается также связь более поздних событий с историей анализируемого текста. Следующим шагом должно стать исследование, является ли этот текст интегральной литературной единицей.

Прагматический анализ направлен на установление интенции текста. Задача исторического текста (в нашем случае – текстов скопческой литературы) – коммуникация между автором текста и его адресатом. Возникающий на этом основании дискурс строится вокруг проблемы целеполагания текста, какими языковыми средствами пользуется автор и каковы коммуникативные функции его языка. Прагматический анализ текстов скопческой литературы позволил определить динамическую функцию данных текстов.

3. Обсуждение

Актуальность тематики раскольников и сектантства в Российской империи в свое время акцептировал этнограф и историк раскола А. Пругавин, который отмечал «весьма существенный пробел» в этом вопросе (Пругавин, 1880). Историография раскольников и сектантства в Российской империи многогранна и многоаспектна. В некоторых наших предыдущих работах (Lebid et al., 2021; Lebid, Shevchenko, 2021a; Lebid, Shevchenko, 2021b; Lebid et al., 2020) мы представили обзор научной литературы по теме раскольников, сектантства и ересей. Обобщая полученные результаты, отметим, что данная тема находилась в плоскости научного интереса как духовных, так и светских лиц. Первые в своих, как правило, просветительских трудах и проповедях осуждали раскольников, схизму и сектантство как губительное общественное явление (Игнатий, 1849; Иоанн, 1847 и др.).

Элементы нравоучения имели место и в трудах светских ученых. Отличительной особенностью изобличительства ересей и раскола был тот факт, что они совмещали как субъективное мнение, так и фактологический материал по расколу (Кутепов, 1891; Надеждин, 1845). Современные авторы более обстоятельны в высказываниях и объективны в оценках раскола (Панченко, 2004; Усенко, 1995a; Усенко, 1995b; Хамидулин, 2015).

Среди всего многообразия изысканий по теме раскола и сектантства наблюдается определенный дефицит исследований по мифологии и мифотеологеме секты скопцов, в частности, их монархической мифологии. Определенную ясность в проблему привносят работы А. Прилуцкого (Прилуцкий, 2023), М. Путилина (Путилин, 2022; Путилин, 2023), В. Лебедева (Лебедев, Прилуцкий, 2022) и др.

Тематика раскольников и сектантства в Российской империи освещалась и на страницах специализированных журналов «Христианское чтение», «Труды Киевской духовной академии», где публиковались научно-богословские труды по догматике, религиозным течениям, истории церкви в целом. По указу Святейшего Синода издавался журнал «Братское слово», непосредственно посвященный изучению раскола. В качестве дополнения к нему публиковались «Материалы для истории раскола за первое время его существования». Еще один журнал для обличения старообрядчества и сектантства – «Миссионерское обозрение» – официальный орган синодальной миссии. Важной миссией журнала был герменевтический анализ «вероотступных сочинений». В «Православном обозрении» печатались переводы богословской и догматической литературы, труды по церковной истории и христианской апологетике.

4. Результаты

Чтобы очертить специфику мифологии царя в нарративе скопцов, необходима попытка реконструкции мифа, созданного Селивановым, его окружением и другими представителями секты.

Сложность реконструкции мифа заключается в том, что для его представления следует собрать различимые части и сложить в одну мозаику. Такими частями являются рассказы самого основателя секты («Страды» К. Селиванова), Акулины Ивановой, материалы следственных действий, а также составленные скопцами песни и т.п.

Основное содержание скопческого мифа можно изложить следующим образом, в соответствии с хронологией событий. Центральная фигура мифа, Кондратий Селиванов, представляется своим сторонникам как «Бог над Богами, царь над царями и пророк над пророками». Он является Саваофом, Мессией и императором Петром III, которому удалось спастись от покушения на его жизнь, устроенное женой и следующей царицей Екатериной: «Когда ее сын Петр женился на будущей Екатерине Великой, объясняли скопцы, невеста разгневалась, обнаружив, что он скопец, и решила его погубить. Заранее узнав о ее намерениях, он переоделся в мундир одного из своих гвардейцев и бежал из дворца, а на смерть вместо него остался преданный слуга. В ряде версий гвардеец – тоже скопец, добровольно идущий на мученическую смерть ради спасения императора. Петр бежит не только для того, чтобы спасти свою жизнь, но и чтобы спасти весь род человеческий». С того времени начинается новый период жизни императора, характеризующийся постоянными преследованиями и недостатком пищи. Селиванов-Петр III проповедует «огненное крещение» (оскопление), объявляя себя истинным Христом (Энгельштейн, 2002: 59). «Я не сам пришел, – говорил Селиванов своим последователям, – а прислал меня сам Отец Небесный. Со мной случилось, как с прежним Господом Иисусом Христом, Сыном Божьим. Он был «кормчий», посланный Господом, чтобы вести корабли и крепить мачты» (Энгельштейн, 2002: 49).

Распространению культа «Государя-батюшки» и «Отца-искупителя» способствовала «Богородица», которая «признала Селиванова своим сыном, рожденным от Святого Духа, и после этого стала зваться «императрицей Елизаветой Петровной». И, действительно, скопцы почитали царицу Елизавету (правила в 1741–1762), дочь Петра I, истинной Богородицей. Хотя она и не была матерью Петра III, но, по скопческому мифу, она его зачала от Святого Духа. Осознавая свое истинное призвание, Елизавета отказалась от трона, который заняла похожая на нее женщина. Сама же бывшая царица уехала в Орловскую губернию, где проживала среди скопцов под именем Акулины Ивановой, ведя праведную жизнь в молитве и аскетических практиках.

В скопческом мифе получил распространение мотив особой духовной связи Петра III-Христа с правящими в то время российскими монархами. После коронации, которая состоялась вскоре после смерти Екатерины II, новый император Павел I освободил Селиванова из ссылки. Согласно убеждению скопцов, этот факт должен был свидетельствовать о намерении Павла вернуть своего отца, Петра III, на его законное место. Однако признать Павла своим сыном Селиванов мог только при условии, что тот подвергнется оскоплению (Энгельштейн, 2002: 59).

В фольклоре скопцов сохранилось повествование о разговоре К. Селиванова с императором Павлом I. В одной из песен царь якобы спросил основателя секты: «Ты ли мой отец?» Селиванов бесстрашно ответил: «Я греху не отец. Прими мое дело, и я признаю тебя своим сыном». В мемуарах чиновника Ф. Лубяновского также указывается на долгий разговор Павла I с Селивановым, но само его содержание осталось неизвестным. По мнению исследователей скопческого фольклора, такой разговор действительно мог иметь место, поскольку император находился под влиянием слухов о том, что его отец Петр III выжил и долгое время скрывался (Панченко, 2004: 177-178). Однако трудно утверждать, что Павел I и в дальнейшем верил в эти слухи: фактом является эксгумация тела Петра III и его посмертная коронация, которую не успели осуществить при его жизни.

После разговора с императором Селиванова как «секретного арестанта» поместили в больницу для психически больных в Санкт-Петербурге. После убийства Павла I в 1801 г. императором стал его сын Александр I, который также стал важным героем скопческого мифа. «Претендуя на царскую корону, Селиванов именовал здравствующего императора Александра I «явным», подразумевая, что в России существует другой царь, «тайный», указывая тем самым на себя самого» (Хамидулин, 2015: 144).

В марте 1802 г. после визита Александра I в психиатрическую больницу, где содержался Селиванов, скопческого мессию перевели в богадельню при Смольном монастыре, а затем и оттуда освободили по просьбе «польского шляхтича» А. Еленского (Елянского), вероятно, первого шляхтича, вступившего в секту скопцов. Также, демифологизируя нарратив скопцов о божественной харизме Селиванова, следует привести мнение Усенко о настоящих факторах, которые способствовали его успеху: «Своей славой и авторитетом Селиванов был обязан в первую очередь богатым купцам, с которыми он сошелся во время сибирской ссылки, куда был отправлен в 1774 году. Купцы не только создали скопческие «корабли», где господствовал культ нового «Мессии», но и устроили ему побег из ссылки» (Усенко, 1995а: 53).

Период, охватывающий большую часть царствования Александра I, с 1802 по 1820 гг., скопцы называли своим «золотым веком» (Энгельштейн, 2002: 66). Неслучайно для воплощения задуманных реформ император выбрал своего давнего приятеля А.Н. Голицына, назначенного в 1803 г. обер-прокурором Святейшего Синода. Как главный представитель «эзотерической разновидности российского неоконсерватизма» князь Голицын пытался реализовать в

«общегосударственном масштабе социальную утопию «евангельского» или «общехристианского» государства» (Минаков, 2010: 186).

Будучи формально православным, Голицын воспринимал конфессиональную принадлежность как необходимую в земных реалиях внешнюю «оболочку» религиозности. Внутреннюю же духовную жизнь он понимал как жизнь «духом», свободную от внешних условностей. Такие убеждения позволяли князю Голицыну общаться с представителями всех конфессий и духовных течений, включая не только высокопоставленных членов православной иерархии, но и католиками, методистами, квакерами, ясновидящими, визионерами, представителями различных сект, в частности скопцов.

Прочитав Священное Писание, Голицын заинтересовался западной мистической литературой, которую пытался распространять на территории империи. Внутреннее развитие, которое он переживал, отражалось не только в политике, которую он проводил, но и во влиянии на религиозные убеждения самого императора Александра (Минаков, 2010: 187).

Неудивительно, что скопцы видели в лице императора Александра не просто союзника, но и одного из своих сторонников. Сохранилось повествование о том, как царь был вызван ночью в Сенат с целью выяснить его принадлежность к секте скопцов. Члены Сената потребовали подтверждения или опровержения этого факта, прося царя снять штаны. Как оказалось, царь-таки был оскотлен. В это время брат Александра I Константин, ища императора, силой ворвался в Сенат и изрубил его членов (Волков, 1937).

В 1804 г. Еленский передал товарищу министра юстиции Н. Новосельцеву в адрес Александра I материалы, в которых содержался амбициозный проект религиозно-политической реформы Российской империи, в котором секта скопцов должна была выступить идеологом государственного аппарата на всех его ступенях, включая монарха. Невероятность идей, высказанных в проекте, несмотря на либеральный характер религиозной политики царя, привела к тому, что Еленский был арестован и сослан в Спасо-Евфимиевский монастырь как религиозный диссидент.

Проект реформ, предоставленный Еленским царю в 1804 г., действительно является интересным документом, который отражает видение тайного союза скопцов с российскими властями, дух и принципы, по которым должно было происходить сотрудничество между ними. Бесспорно, документ принадлежал авторству самого Еленского, однако в нем были отражены идеи, которые проповедовались Селивановым. Миссия скопцов в проекте представлена как божественное призвание и форма служения «тайнственной Церкви» (то есть сообществ скопцов) во главе с «Настоятелем» (Селивановым) отчизне.

«Тайная Церковь» в своем большинстве состоит из «простачков», хотя хватает в ней и образованных людей. Настоятель же изображается как сосуд, в котором «присутствует Дух Небесный, наполненный Отцом и Сыном». Согласно проекту Еленского, некоторые образованные члены секты должны быть представлены правительству с последующим направлением к епископам для пострига в монахи и подготовки к священническому служению. Миссия таких членов секты должна была реализоваться на кораблях, в армейских подразделениях и городах. В помощь каждому из таких иеромонахов должен был предоставляться скопец из числа «простачков», которые должны были быть пророками.

Иеромонахи должны были играть роль персональных тайных «оракулов» командиров, извещая их божественную волю. Еленский во главе двенадцати «пророков» должен был выполнять эту задачу у «главного правителя армии», а К. Селиванов – на самом высоком уровне, то есть у самого императора. Сама же реализация задуманного должна была храниться в тайне даже от православных архиереев, которые будут рукополагать скопцов.

Приведенные положения проекта Еленского выглядят как предложение заговора против официальной православной иерархии, которая, по мнению идеолога скопцов, осуществляет «законные обряды... древних Евреев». Зато сама «тайнственная Церковь берет свои начала от апостольских времен и, сохраняя чистоту учения, продолжается и доньше, поселяясь в княжеских дворах, монастырях и престолюдинах. Что же касается верхушки российской власти, то в лице монарха и высших сановников Еленский видит зрелые плоды смиренного мудрия. Эффективность сотрудничества секты с государством многообещающая: «...И без всяких сил военных победит Господь всех врагов, внешних и внутренних, и силою своею защитит возлюбленную свою Россию...».

Предложенный Еленским проект не получил одобрения императора (неизвестно, был ли вообще Александр I лично с ним ознакомлен), однако попытки практической реализации его положений (хотя и безуспешные) все же имели место. Осталось свидетельство К. Селиванова о его встрече с императором Александром I незадолго перед битвой при Аустерлице. Царь якобы сам посетил Селиванова, который пытался отговорить его от войны с Францией. Согласно этому посланию «сверху», мера супостата Наполеона еще не исчерпана; следует подождать несколько лет, и тогда сам Бог поможет разбить его армию (Панченко, 2004: 182).

Ни провозглашение Селиванова себя царем и Христом, ни предсказания так и не привели к реальным попыткам захвата власти. Для этого у скопцов не только не было ресурсов, но и каких-либо серьезных намерений. Гораздо позже, уже при правлении Николая I, когда секты подвергались более

жесткому надзору со стороны Министерства внутренних дел, царские чиновники В. Даль и В. Надеждин характеризовали скопцов как опасную для государства секту. В скопческой мифе они делали упор не столько на духовные, сколько на политические претензии на господство, а также обращали внимание на огромную похоть к наживе сектантов. Присвоение императорского титула К. Селивановым и жесткая централизованность секты, по мнению В. Надеждина, были достаточным поводом для репрессий в отношении ее членов. Однако, по мнению Энгельштейна, «скопцы были не только относительно немногочисленны, но и не представляли угрозы в обычном смысле слова. Скорее стараясь избежать контакта с властями, чем вступать с ними в конфликт, в повседневной жизни они были образцовыми подданными» (Панченко, 2004: 16-20; Энгельштейн, 2002: 80-81).

Пренебрежение проектом со стороны государства и заключение Еленского не остановило деятельность Селиванова, популярность которого все более возрастала также среди высших слоев российского общества. Мистическое сектантство как явление не осуждалось правительством империи в период правления Александра I, а в некоторых случаях даже находило покровительство (например, кружок К. Татариновой в Санкт-Петербурге, на радениях которого которого использовались переработанные песни хлыстов и скопцов). Однако секта скопцов все больше становилась нежелательным явлением для правительства как явное лжеучение.

С 1818 г. происходят попытки «мягкого» воздействия правительства на Селиванова и членов секты в форме пропаганды, которые, однако, не имели никакого успеха. Наконец, основатель секты в 1820 г. был арестован и выслан в Спасо-Евфимиевский монастырь с просьбой Александра I «обращаться с ним помягче», «из сострадания к старости его и из сожаления о заблуждении его» (Энгельштейн, 2002: 66), где он и умер в феврале 1832 г. (Панченко, 2004: 178-186). Практика исполнения песен и сказаний о Селиванове-Христе и Петре III, его свиданиях с императорами Павлом и Александром возникла, скорее всего, вначале 1820х гг., после ареста и заточения скопческого «искупителя» (Панченко, 2004: 193).

Последователи мессии не верили, что он мог там умереть, и предвещали близкий его приход «со славой и силой». Образ пришествия царя-искупителя рисуется в ярких и фантастических деталях: скопцы «последуют за ним «полки полками» из Сибири в Москву, которая встретит его звоном колоколов Успенского собора. Собрав вокруг себя детей своих «миллионами, миллиардами», Искупитель взойдет на императорский трон и воссядет судьей над живыми и мертвыми, над оскопленными и неоскопленными. Правители земные поклонятся ему, а посланцы его пойдут по свету, обращая мир в истинную веру и оскопляя род человеческий».

Важной деталью эсхатологических ожиданий является то, что предполагалось обращение в скопческую веру Александра I, его жены, а также французского императора Наполеона (якобы незаконного сына Екатерины II, который якобы получил русское образование, а во Франции сделал свою головокружительную карьеру). Следовательно, Бонапарт также не умер, но подвергся оскоплению и бежал в Турцию, откуда явится в России в день Страшного суда (в другой версии Наполеон представлен Антихристом, «порождением Екатерины и дьявола») (Энгельштейн, 2002: 59).

С Александром I связана и другая легенда, поддерживаемая скопцами, согласно которой он на самом деле не умер в 1825 г. в Таганроге, а отошел от мира под именем Федора Кузьмича и поселился в Томске. По свидетельствам местных сектантов, Федор Кузьмич, если и не принадлежал к скопцам, то, по крайней мере, очень их уважал, и каждый раз низко кланялся им при встрече (Волков, 1937).

Источники позволяют уверенно говорить о трех периодах распространения сюжета о царе-старце в народных представлениях. В первый период сюжет о царе-старце обладал многими характерными функциями легенд о «возвращающемся избавителе», что было отмечено К. Чистовым, который на этом основании считал данный сюжет проявлением «несостоявшейся легенды об Александре I «избавителе»» (Волков, 1937: 202). Период бытования сюжета о царе-старце Александре I в форме легенды об «избавителе» продолжался от появления старца Федора Кузьмича в 1837 г. в Сибири до его смерти в 1864 г. Именно эту легенду отражают делопроизводственные документы полицейского расследования. В них отразились такие ключевые моменты легенды об «избавителе», как отождествление с Александром I.

Согласно нашей концепции, легенда о Федоре Кузьмиче является разновидностью легенд о «возвращающемся» избавителе. Она имеет многие сходные с данным видом легенд черты: героем является лишенный власти правитель или непризнанный мессия, который скрывается в далекой глубинке и чудесным образом проявляет как святость, так и свою истинную личность. Тем не менее, есть и существенный ряд отличий: герой данного вида легенд – не бунтарь и не старается вернуть себе власть или свергнуть существующего правителя. Он принимает свою новую жизнь и только помогает окружающим своими советами, даром пророчества и целительством.

Такие фольклорные произведения обусловлены сложным комплексом народной ментальности. Здесь сочетается несколько социально-психологических проблем, потребность разрешения которых вылилась в сюжет о царе-старце. Например, желание людей получить справедливое облегчение жизни для себя «здесь и сейчас» может породить известный с древних времен сюжет о неузнанном Боге/герое/правителе, который появляется под видом простого человека в самых неожиданных местах. Часто это своего рода проверка, которую проходят не все. Те, кто ведет себя правильно и

достойно, получают вознаграждение, а те, кто оскорбляет данного персонажа или пытается ему навредить, бывают наказаны. Желание чувствовать свою причастность к «большой» жизни страны может усилить их уверенность в том, что эти отшельники и святые – не просто особо угодные Богу подвижники, но еще и бывшие цари или важные вельможи. Возможно, сюжет о царе-старце Александре I под именем Федора Кузьмича сформировался под влиянием легенд о «возвращающемся избавителе», но затем приобрел своеобразие, получив уникальное значение в системе народной ментальности (Путилин, 2022: 138).

Скопцы не были единственной сектой в Российской империи, где личность императора Александра I наделялась особым ореолом. Так, среди многих мистических и экстатических религиозных движений, которые даже не имели генетической связи с хлыстами, в 1820-х гг. на Дону фиксируется появление секты «духоносцев», возглавляемой Евлампием Котельниковым.

«Вдохновленный пропагандистской и издательской деятельностью Библейского общества, а также общими религиозными умонастроениями эпохи Александра I, Котельников «начал проповедовать в кругу своей родни и знакомства... особое мистическое учение, по которому выходило, что Антихрист пришел уже в мир, что в официальной церкви видна уже мерзость запустения, предсказанная пророком Даниилом, что внешняя церковь, как царство Антихристова, будет разрушена Александром I, в котором родился духовно И<исус> Христос и который есть муж новой церкви. При Александре должна распространиться новая религия или единоверие» (Панченко, 2004: 197-198).

С новой силой миф о возвращении Петра III заработал в 1870-х гг. в феномене т.н. новоскопчества, основателем которого был Кузьма Лысин, принадлежавший к скопческой общине г. Галаца, которая поддерживала тесные отношения с сообществами юга Украины. «Милосердный Искупитель Батюшка в лице Кондратия Селиванова или, правильнее, в лице Петра Федоровича III, все время в учении заповедовал... в каждом Пришествии Спасителя с неба на землю требовалась настойчивая борьба духа с плотью... Но что значит Корабль, хотя бы и со вздутыми парусами, если на нем нет Главы, Кормчего!»

В лице Лысина «объявилась духовная сила второго искупителя, государя Петра III, Селиванова, чему были свидетелями Иоанн Богослов и Василий Великий». В его сподвижнике Иване Ковалеве объявилась сила апостола Иоанна Богослова, а за «переменной даров» – также сила Александра II, который якобы был помощником Петра III и также сидел в тюрьме. «Сам он, Лысин, по воле отца своего небесного говорил..., что позовет всех скопцов в Москву и с теми, которые признают его, будет ликовать, а тем, которые не признают, будет головы рубить, и что для этой цели он, Лысин, будет видеться с Государем Императором Александром Николаевичем, который по духу ему, Лысину, сын...». В этом отрывке снова видим не только мотив возвращения царя-искупителя Петра III, но и духовного сыновства явного царя, но уже не Павла I, а Александра II. Планируемая встреча с императором в Москве так и не состоялась, а сам Лысин и его сподвижники были арестованы и в 1876 г. по приговору суда высланы в Сибирь.

Анализ мифологемы царя в секте скопцов.

Монархические идеологемы, усвоенные русской культурой из византийского идеодискурса, на протяжении веков догматизировались, обретая статус догматической истины. Причем эта догматизация осуществлялась по двум, хотя и близким, но все же семантически отличным направлениям. Согласно первому, российский самодержец в силу особого статуса является инструментом «Божьего управления земным человеческим царством». В рамках этого направления монархической мысли осуществлялась разработка таких тем, как сакраментальное значение коронования, особый статус монарха в церковной иерархии, божественное избрание монарха, значение наследственности царской власти и др. Свое выражение направление получило как в трудах видных дореволюционных религиозных деятелей (свт. Филарета Московского, св. Иоанна Кронштадтского, св. Иоанна Восторгова и мн. др.), так и в литургическом дискурсе. Например, в чине православия до 1917 г. содержалась анафема: «Помышляющим, яко православнии Государи возводятся на престолы не по особому о них Божию благоволению и при помазании на царство дарования Духа Святаго к прохождению великого сего звания на них не изливаются; и тако дерзающим против них на бунт и измену», исключенная из чинопоследования после Февральской революции. Согласно второму направлению теологизация монархических идеологем осуществлялась в рамках эсхатологической герменевтики, в результате чего российский император начал интерпретироваться как апокалиптический «катехон», удерживающий пришествие в мир и воцарение антихриста (Прилуцкий, 2023: 82).

Самозванство. Существенным фактором, способствовавшим образованию мифологемы царя у скопцов, был распространенный в России тех времен феномен самозванства. О. Усенко различает два типа самозванства: «царское» и «религиозное» (пророческое, мессианское), которые, однако, выступают как «явления одного порядка». Их сходство проявляется прежде всего в том, что человек, объявивший себя царем или Христом либо пророком, теряет возможность дальнейшего жизненного выбора и полностью подчиняется своей новой роли. Вместо этого роль, которую человек должен играть, регламентируется массовым сознанием, ожиданиями последователей. Иначе говоря, самозванец

должен был полностью вписаться в мифологию данного сообщества (Усенко, 1995а: 56). Двойная же роль Петра III и Христа (Бога, мессии, искупителя) была для К. Селиванова еще большим вызовом.

По мнению О. Усенко, от лица, декларировавшего себя царем, кроме удовлетворения социально-экономических потребностей последователей, ожидалась «праведность» («благочестивость»), «справедливость» и «законность». Быть «законным» означало избранность правителя самим Богом. Такие внутренние качества, присущие царю, должны были выражаться соответствующими внешними знаками на теле. «Именно с их помощью (креста, звезды, месяца, «орла», то есть царского герба) многочисленные самозванцы в XVII-XVIII веках доказывали свое право на престол и обеспечивали себе поддержку в народе» (Усенко, 1995а: 54).

В случае Селиванова о таких знаках «божественного избрания» неизвестно, однако сам факт оскопления уже свидетельствовал о принадлежности к Царству небесному. Зато другим важным подтверждением легитимности царя-самозванца в глазах последователей, которое точно имело место в случае Селиванова, было наличие царского двора. Кроме «Богородицы», бывшей «императрицы» Елизаветы Петровны под именем Акулины Ивановны, возле самозванца находилась и другая «Богородица» – Анна Софоновна, которая величалась как «великая княгиня Анна Федоровна», незадачливая супруга цесаревича Константина Павловича. Еще одним аргументом, послужившим для подтверждения подлинности царя, было опознание его одним из приближенных во времена явного правления. Таким свидетелем стал лакей Петра III Кобелев, который подтвердил, что Селиванов – «действительно свергнутый император и что он его сразу узнал, как только увидел» (Усенко, 1995а: 57).

Итак, в отличие от других самозванцев (напр., таких, как А. Пугачев), Селиванов выступил в двойной роли царя и Христа, тем самым придавая своей миссии радикальный религиозный характер. Соответственно, в монархическом мифе, созданном скопцами, будет корректно говорить не просто о мифологеме, но и о мифотеологеме царя.

По мнению Л. Энгельштейна, сама традиция самозванства коренится в давней практике провозглашения себя мнимым царем обычным человеком, который «объявлял себя воплощением отстраненного или даже воображаемого правителя, более справедливого и «законного», чем тот, который сидел на троне, восходит, по крайней мере, к народным воплощениям Христа» (Энгельштейн, 2002: 52). По мнению А. Шапова, в данном случае речь идет о народном религиозном творчестве, «крестьянской вере»: ортодоксального христианства народные низы в своем большинстве не знали, за исключением самого имени Христа, который, по преданию, ходит по земле и появляется людям даже на полях.

Как ни парадоксально, свой вклад в распространение культа Селиванова внес государственный аппарат. «Подвергнув Селиванова телесным мучениям и публичному унижению и отстранив его от общества еще в большей степени, чем он отстранялся сам, государство создало все условия для того, чтобы бывшего бродягу обожествили».

Поверхностность и эклектичность религиозного мировоззрения людей, поверивших в скопческий миф, однако, имеет определенные богословские основания, которые следует искать в мировоззрении хлыстов, откуда берет начало секта скопцов. По вероучению хлыстов, Бог перманентно воплощался в конкретных лиц на протяжении истории, причиной чего было постоянное отклонение людей от истинного пути.

Согласно мифу хлыстов, такое воплощение (Бога Саваофа) произошло у основателя секты Даниила Филипповича в 1645 г., который впоследствии избрал своим помощником Ивана Сулова, провозгласив его Христом (как здесь, так и в последующей практике сохраняется порядок различения между Богом Саваофом и «христами», которыми могли быть и рядовые ее члены). Итак, речь идет о сотериологии, далекой от христианской ортодоксии: для хлыстов не хватает одного воплощения Христа, который после смерти и воскресения остается навсегда единственным главой Церкви, через таинства которой невидимым образом присутствует среди людей.

Представление о Боге в секте хлыстов удивительно парадоксально: с одной стороны, «хлысты верят, что Бог по своей природе духовен, вездесущ, вечен и всемогущ», а с другой, – господствовало убеждение о невозможности существования Бога вне материального мира. «Такая эклектика в религиозных представлениях, – объясняет А. Хамидулин, – является типичной чертой для догматически и логически не проработанного и не систематизированного религиозного культа, содержащего в себе разнородные элементы, характерные для благочестия народных масс» (Хамидулин, 2015: 130).

Жесткая связь между материальным и духовным, присущая вероучению хлыстов, близка концепции панентеизма, в которой предполагается существование двух полюсов: «актуального» (реализующегося в окружающем нас мире) и «потенциального» (трансцендентного) миров, которые образуют «диалектическое единство, необходимое в качестве условия как для развития Бога-Творца, так и для развития человека – Его со-творца». Попытки вместить необъятный Абсолют в лицо конкретного видимого человека понятны психологически и объясняются желанием реального, близкого и понятного присутствия Бога. Однако такие попытки, реализованные как у хлыстов, так и у

скопцов, происходят за счет искусственных манипуляций «элементами священного с целью конкретизации божества» (Хамидулин, 2015: 131-132).

5. Заключение

Итак, в вероучении хлыстов, унаследованном в главных его положениях скопцами, сильный упор был сделан на имманентности Бога миру, которая выражалась в его воплощениях в конкретных людях, объявлявших себя Христом, искупителем, мессией и т.п. «Золотой век» истории скопчества совпал с попытками реформ Александра I, направленными на религиозное просвещение подданных, выражением чего было создание Библейского общества.

Изложенное понятным языком Писание, систематическое объяснение основ христианской веры священниками могли бы приблизить Бога к народу, таким образом, предотвратив популярность «христов» и «богородиц». Перевод библейских текстов на русский язык, начатый по инициативе высшей государственной власти, должен был сделать доступным содержание Писания для широких масс населения, тем самым предоставляя возможность личного ознакомления с содержанием священных книг. Однако эти попытки потерпели неудачу вследствие «восстания» против А. Голицына группы православных архиереев, а Александр I поддался их требованиям прекратить начатую работу.

Структурно в случае эсхатологизации монархии можно видеть удвоение мессианских ожиданий: должны прийти две личности – Христос и монарх. Линия разграничения этих личностей не вполне четкая, их вмешательство в реальность распределяется между ними (сюда добавляется и допущение сочетания в одном лице царя и патриарха). Таким образом, мифологема трансформируется в мифотеологему с превалированием теологических смыслов и даже в догматическую истину.

Литература

- Волков, 1937 – Волков Н. Скопчество и стерилизация. Москва: Изд-во АН СССР, 1937.
- Игнатий, 1849 – Игнатий (Семенов). История о расколах в церкви российской. Ч. 1. СПб.: Типография Е. Фишера, 1849. 355 с.
- Иоанн, 1847 – Иоанн (Малиновский). Обличение заблуждения раскольников перекрещеванцев. СПб.: Типография К. Вингебера, 1847. 86 с.
- Кондаков, 1998 – Кондаков Ю. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). Санкт-Петербург: Нестор, 1998. 223 с.
- Кутепов, 1891 – Кутепов Н.П. Краткая история и вероучение русских рационалистических и мистических ересей. Москва: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891. 103 с.
- Лебедев, Прилуцкий, 2022 – Лебедев В., Прилуцкий А. Мифологема о грядущем православном царе: значение и прагматика // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия»*. 2022. 3: 81-91.
- Минаков, 2010 – Минаков А. Князь Александр Николаевич Голицын - представитель мистико-космополитического консерватизма в царствование Александра I // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2010. 1: 186-189.
- Надеждин, 1845 – Надеждин Н.И. Исследование о скопческой ереси. СПб., 1845. 120 с.
- Панченко, 2004 – Панченко А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
- Прилуцкий, 2023 – Прилуцкий А. Монархические мифотеологемы современного фундаменталистского дискурса: герменевтическая специфика // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2023. 43: 81-90.
- Пругавин, 1880 – Пругавин А.С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектанства. СПб.: Типография В. Безобразова, 1880. 48 с.
- Путилин, 2022 – Путилин М. О перспективах исследования легенд о «возвращающемся избавителе» // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. 77: 133-140.
- Путилин, 2023 – Путилин М. Сюжет о царе-старце как специфика провинциальной славянской ментальности в период модернизационного перехода // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2023. 83: 66-71.
- Сборник..., 1860 – Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Вып. 1-4. Лондон: 1860-1862.
- Усенко, 1995а – Усенко О. Самозванство на Руси: норма или патология? *Родина*. 1995. 1: 53-57.
- Усенко, 1995б – Усенко О. Самозванство на Руси: норма или патология? *Родина*. 1995. 2: 69-72.
- Хамидулин, 2015 – Хамидулин А. Богословие русских мистических сект. *Труды Нижегородской духовной семинарии*. 2015. С. 117-237.
- Щапов, 1862 – Щапов А. Земство и раскол. Сочинения А. Щапова. Вып. 1. Санкт-Петербург: Д.Е. Кожанчиков, 1862. 161 с.
- Энгельштейн, 2002 – Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное: Скопческий путь к искуплению. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.

[Lebid et al., 2021](#) – *Lebid A.E., Kostenko A.M., Shevchenko N.A.* N.V. Varadinov's research papers and publications as a source on the history of the Russian empire of the first half of the 19th century // *Bylye Gody*, 2021. 16(1). Pp. 118-125.

[Lebid, Shevchenko, 2021a](#) – *Lebid A.E., Shevchenko N.A.* Review of pre-revolutionary historiography of schismatics, heresies and sectarianism in the Russian empire. *Bylye Gody*. 2021. 16(3). Pp. 1211-1224.

[Lebid, Shevchenko, 2021b](#) – *Lebid A.E., Shevchenko N.A.* Some aspects of the religious life of the Ukrainian provinces of the Russian empire in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(2). Pp. 629-640.

[Lebid et al., 2020](#) – *Lebid A.E., Shevchenko N.A., Volkov A.N., Ponomareva M.A.* The officialdom of the Russian empire: A modern Ukrainian historiography // *Bylye Gody*. 2020. 56(2). Pp. 495-507.

References

[Engelshtein, 2002](#) – *Engelshtein, L.* (2002). Skoptsi i tsarstvo nebesnoe: Skopcheskii put k iskupleniyu [Skoptsy and the Kingdom of Heaven: The Skoptic Way to Redemption]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]

[Ignatii, 1849](#) – *Ignatii (Semenov)* (1849). Istoriya o raskolakh v tserkvi rossiiskoi [History of schisms in the Church of Russia]. Ch. 1. SPb.: Tipografiya Ye. Fishera, 355 p. [in Russian]

[Ioann, 1847](#) – *Ioann (Malinovskii)* (1847). Oblichenie zabluzhdeniya raskolnikov perekreshchevantssev [A denunciation of the delusion of the schismatics of the cross-baptizers]. SPb.: Tipografiya K. Vingebera, 86 p. [in Russian]

[Khamidulin, 2015](#) – *Khamidulin, A.* (2015). Bogoslovie russkikh misticheskikh sekt [Theology of Russian mystical sects]. *Trudi Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii*. Pp. 117-237. [in Russian]

[Kondakov, 1998](#) – *Kondakov, Yu.* (1998). Dukhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnaya oppozitsiya (1801-1825) [Spiritual-religious policy of Alexander I and the Russian Orthodox opposition]. Sankt-Peterburg: Nestor, 223 p. [in Russian]

[Kutepov, 1891](#) – *Kutepov, N.* (1891). Kratkaya istoriya i verouchenie russkikh ratsionalisticheskikh i misticheskikh yeresei [Brief history and doctrine of Russian rationalistic and mystical heresies]. Moskva: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana, 103 p. [in Russian]

[Lebedev, Prilutskii, 2022](#) – *Lebedev, V., Prilutskii, A.* (2022). Mifologema o gryadushchem pravoslavnom tsare: znachenie i pragmatika [The Mythologeme of the Coming Orthodox Tsar: Meaning and Pragmatics]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya»*. 3: 81-91. [in Russian]

[Lebid et al., 2020](#) – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Volkov, A.N., Ponomareva, M.A.* (2020). The officialdom of the Russian empire: A modern Ukrainian historiography. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.

[Lebid et al., 2021](#) – *Lebid, A.E., Kostenko, A.M., Shevchenko, N.A.* (2021). N.V. Varadinov's research papers and publications as a source on the history of the Russian empire of the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(1): 118-125.

[Lebid, Shevchenko, 2021a](#) – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A.* (2021). Review of pre-revolutionary historiography of schismatics, heresies and sectarianism in the Russian empire. *Bylye Gody*. 16(3): 1211-1224.

[Lebid, Shevchenko, 2021b](#) – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A.* (2021). Some aspects of the religious life of the Ukrainian provinces of the Russian empire in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(2): 629-640.

[Minakov, 2010](#) – *Minakov, A.* (2010). Knyaz Aleksandr Nikolaevich Golitsin - predstavitel mistiko-kosmopoliticheskogo konservatizma v tsarstvovanie Aleksandra I [Prince Alexander Nikolayevich Golitsyn - representative of mystical-cosmopolitan conservatism in the reign of Alexander I]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 1: 186-189 [in Russian]

[Nadezhdin, 1845](#) – *Nadezhdin, N.I.* (1845). Issledovanie o skopcheskoj erezii [A study on the heresy of the Scopians]. Sankt-Peterburg. 120 p. [in Russian]

[Panchenko, 2004](#) – *Panchenko, A.* (2004). Khristovshchina i skopchestvo: folklor i traditsionnaya kultura russkikh misticheskikh sekt [Khristovshchina and Oskopchestvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. M.: OGI, 541 p. [in Russian]

[Prilutskii, 2023](#) – *Prilutskii, A.* (2023). Monarkhicheskie mifoteologemi sovremennogo fundamentalistskogo diskursa: germenevticheskaya spetsifika [Monarchical mythotheologemes of modern fundamentalist discourse: hermeneutical specificity]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*. 43: 81-90. [in Russian]

[Prugavin, 1880](#) – *Prugavin, A.S.* (1880). O neobkhodimosti i sposobakh vsestoronnego izucheniya russkogo sektantstva [On the necessity and ways of comprehensive study of Russian sectarianism]. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova, 48 p. [in Russian]

[Putilin, 2022](#) – *Putilin, M.* (2022). O perspektivakh issledovaniya legend o «vozvrashchayushchemsya izbavitele» [On the prospects of researching legends about the “returning deliverer”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 77: 133-140. [in Russian]

[Putilin, 2023](#) – *Putilin, M.* (2023). Syuzhet o tsare-startse kak spetsifika provintsialnoi slavyanskoi mentalnosti v period modernizatsionnogo perekhoda [The story of the Tsar-Star as a specificity of provincial Slavic mentality in the period of modernization transition]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 83: 66-71. [in Russian]

- Sbornik..., 1860** – Sbornik pravitelstvennikh svedenii o raskolnikakh [Collection of governmental information about schismatics]. Sost. V. Kelsiev. Vip. 1-4. London, 1860-1862. [in Russian]
- Shchapov, 1862** – *Shchapov, A.* (1862). Zemstvo i raskol [Zemstvo and schism]. Sochineniya A. Shchapova. Vip. 1. Sankt-Peterburg: D.E. Kozhanchikov, 161 p. [in Russian]
- Usenko, 1995a** – *Usenko, O.* (1995). Samozvanstvo na Rusi: norma ili patologiya? [Imposture in Russia: norm or pathology?]. *Rodina*. 1: 53-57. [in Russian]
- Usenko, 1995b** – *Usenko, O.* (1995). Samozvanstvo na Rusi: norma ili patologiya? [Imposture in Russia: norm or pathology?]. *Rodina*. 2: 69-72. [in Russian]
- Volkov, 1937** – *Volkov, N.* (1937). Skopchestvo i sterilizatsiya [Scoping and sterilization]. M.: Izd-vo AN SSSR. [in Russian]

Монархическая мифологема секты скопцов: генезис и специфика

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Андрей Александрович Пальчик ^c, Александр Павлович Дядя ^b

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^c Институт богословских наук Непорочной Девы Марии, Каменец-Подольский, Украина

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты и мотивы монархической мифологии секты скопцов. В частности, проанализирован так называемый мотив «ложного царя». Представления о Петре I как о «ложном» царе во многом связаны с тем, что он ввел бородобритие, иноземные обычаи и одежду, веселился с иностранцами, устраивал фейерверки, издевался над духовенством и часто покидал свое государство.

Также был рассмотрен миф о возвращении царя. В 1840-х годах в Москве была обнаружена секта почитателей Наполеона I. Их культ включал в себя молитвы перед бюстом французского императора. Не исключено, однако, что политическая мифология этой секты генетически восходит к скопческой адаптации истории о скрывающемся императоре.

В статье также представлены компоненты монархической мифологема – вопросы для рефлексии скопческой ереси. В монархической мифологеме скопцов царь выступает как идеальный монарх. Реальный царь по факту своего призвания не может противоречить ожиданиям секты ни в своей личной жизни, ни в проводимой им политике. Факты, не соответствующие таким представлениям, объясняются подменой царя. Монархическая мифологема скопцов, несмотря на свою специфику, вписывается в общий фон народных представлений о царе.

Так, политико-религиозная имагология скопцов концептуализирует образ царя-искупителя, монархическую версию теологии освобождения, царебожия. Тем не менее, культ, объектом которого в скопчестве была личность царя, на наш взгляд, не может быть назван одним из вариантов царебожия.

Ключевые слова: скопцы, мифология, мифологема, мифотеологема, монархическая мифологема, секта.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)